

«Сияние жемчужин»: возможности и перспективы участия женщин в общественно-политической жизни в современном Китае

Чень Сыли

Соискатель, SPIN-код РИНЦ: [7998-6710](#), ORCID: [0009-0003-5553-2119](#), chensili@yandex.ru

Высшая школа культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультет), МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Михайлова Ольга Владимировна

Доктор политических наук, SPIN-код РИНЦ: [7242-2620](#), ORCID: [0000-0002-7394-8332](#), Mikhaylova@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В статье поднимается проблема участия женщин в общественно-политической жизни современного Китая. Несмотря на предпринятые Коммунистической партией усилия по вовлечению женщин в экономическую и политическую активность, на сегодняшний день Китай отстает от мировых лидеров в этой сфере. Цель исследования — выявить и описать наиболее значимые факторы, не позволяющие снизить уровень гендерного неравенства в стране и сдерживающие рост представительства женщин в партийных и правительственных структурах. В центре внимания находится культура китайского общества как главный дискриминирующий фактор. Описывая несколько поколений китайских женщин начиная с образования КНР, авторы характеризуют разные подходы КПК к повышению уровня их вовлеченности в социально-политические процессы в стране. Сложности, связанные с разрушением гендерных стереотипов, сильнее всего проявляют себя в политической сфере, где до сих пор женщины крайне редко достигают лидерских позиций. Политика по-прежнему воспринимается как мужское дело, а участие в ней женщины не только конфликтует с выполнением ею семейных функций, но и может вызвать общественное порицание. Заметное изменение ситуации может произойти благодаря демонстрационному и накопительному эффектам, когда, с одной стороны, Коммунистическая партия расширит возможности для участия женщин в ее деятельности, дав тем самым самый важный политический сигнал обществу, и, с другой — все большее число женщин будут получать высшее образование и достигать карьерного успеха в социально-экономической сфере, а их активность вне семьи станет нормой.

Ключевые слова

Женщины в политике, гендерное неравенство, Китай, гендерная политика, культура Китая.

Для цитирования

Чень С., Михайлова О.В. «Сияние жемчужин»: возможности и перспективы участия женщин в общественно-политической жизни в современном Китае // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 152–160. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-152-160

“Shine of Pearls”: Opportunities and Prospects for Women’s Participation in Socio-Political Life in Modern China

Chen Sili

PhD applicant, ORCID: [0009-0003-5553-2119](#), chensili@yandex.ru

Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanities (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Olga V. Mikhaylova

DSc (Political Sciences), ORCID: [0000-0002-7394-8332](#), Mikhaylova@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article raises the problem of women’s participation in the socio-political life of modern China. Despite the efforts made by the Communist Party to involve women in economic and political activity, today China lags behind world leaders in this area. The aim is to identify and describe the most significant factors constraining the reduction of gender inequality in the country and the growth of women’s representation in party and government structures. The authors focus on the culture of Chinese society as the main discriminating factor. Describing several generations of Chinese women, starting with the formation of the PRC, the authors characterize the different approaches of the CPC to increasing their involvement in socio-political processes in the country. The difficulties associated with the destruction of gender stereotypes are most obvious in the political sphere, where women still rarely achieve leadership positions. Politics is still perceived as a man’s business, and a woman’s participation in it not only conflicts with her family functions, but can also cause public censure. The authors believe that a noticeable change in the situation can occur due to demonstration and cumulative effects, when, on the one hand, the Communist Party expands opportunities for women to participate in its activities, thereby giving an important political signal to society, and, on the other hand, an increasing number of women receive higher education and achieve career success in the socio-economic sphere, and their activity outside the family will become the norm.

Keywords

Women in politics, gender inequality, China, gender politics, Chinese culture.

For citation

Chen S., Mikhaylova O.V. (2024) "Shine of Pearls": Opportunities and Prospects for Women's Participation in Socio-Political Life in Modern China. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 152–160. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-152-160

Дата поступления/Received: 01.08.2024

Введение

В день образования Китайской народной республики (1949 г.) Всекитайский демократический женский фонд (с 1954 г. — Всекитайская федерация женщин) призвал поддержать создание новой политической системы, с появлением которой связывалось получение женщинами равных прав с мужчинами и возможность принять участие в строительстве нового Китая. Сделанное заявление подчеркивало приверженность Коммунисткой партии идее активного участия женщин во всех сферах жизни китайского общества (позднее Мао Цзэдун образно выразил это в своем выступлении фразой «женщины держат полнеба»).

За прошедшие десятилетия в этом направлении правительством реализовывалась государственная политика, направленная на повышение уровня экономической и политической активности женщин, однако именно в общественно-политической области результаты пока еще далеки от заявленных. Так, по состоянию на 2023 г. Китай занимает только 107 место в рейтинге 149 стран, согласно отчету Всемирного экономического форума «Глобальный гендерный разрыв 2023»; до сих пор женщины не представлены во многих правительственных организациях на руководящих должностях (114 место из 149)¹.

С момента образования Коммунистической партии в 1921 г. по настоящее время только несколько женщин были полноправными участницами Политбюро партии, но ни одна не входила в Постоянный комитет Политбюро. Среди них: Цзян Цин (JiangQing), жена Мао Цзэдуна, Е Цюань (YeQuan), жена тогдашнего преемника Мао Цзэдуна, Дэн Инчао (DengYingchao), жена Чжоу Эньлая, политического наставника Дэн Сяопина. Кроме них альтернативными членами стали У Гуйсянь (WuGuixian), которая под покровительством Цзян Цин вошла в состав Центрального комитета партии в 1969 г. в числе других представителей от народных масс, а также Чэнь Мухуа (ChenMuhua), которую до сих пор считают самой влиятельной женщиной периода реформ, так как она занимала такие значимые должности, как вице-премьер Государственного Совета, министр внешней торговли и экономического сотрудничества, руководитель Народного банка, а в 1988 г. возглавила Всекитайскую федерацию женщин.

На современном этапе численность женщин в представительном органе власти — Всекитайском собрании народных представителей — устоялась в пропорции 1:4 (24,9%) по состоянию на 1 марта 2023 г. (95 место в рейтинге 187 стран)². Похожее соотношение можно наблюдать и на должностях в системе партийного и государственного управления (число женщин возросло с 422 000 чел. в 1988 г. до 1 906 000 чел. в 2017 г.) и достигло 26,5% от общей численности чиновников. На 2018 г. зафиксировано 27,2% женщин — членов партии и 22% женщин на руководящих постах в государственных учреждениях³.

Очевидно, что многие исследователи задаются вопросом о причинах заметного отставания Китая от других стран в преодолении проблемы гендерного неравенства на фоне многолетнего успешного экономического развития, влекущего за собой, как правило, не только рост благосостояния населения, но и изменение ценностей и представлений о социальных ролях женщин и мужчин в обществе.

¹ Gender Gap Index 2023 // WEF [Электронный ресурс]. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2023.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

² Monthly ranking of women in national parliaments // IPU Parline [Электронный ресурс]. URL: <https://data.ipu.org/women-ranking?month=3&year=2023> (дата обращения: 25.05.2024).

³ The State Council Information Office. Equality, Development and Sharing Progress of Women's Case in 70 years since New China Founding // The State Council Information Office [Электронный ресурс]. URL: http://english.scio.gov.cn/node_8014283.html (дата обращения: 25.05.2024).

Гендерно-ролевые установки традиционной китайской культуры

Исторически в Китае, в отличие от западных стран, тема социальной активности женщин попала в политическую повестку по инициативе Коммунистической партии в контексте революционных лозунгов и до сегодняшнего дня направляется ею в числе других приоритетов национального развития. В начале 2000-х Дж. Хауэлл для описания истории расширения возможностей политического участия женщин использовала понятие «государственный феминизм», определяя его как набор практически ориентированных стратегий для повышения социального статуса женщин, а также созданных с этой целью институциональных механизмов [Howell 2002]. Иными словами, как и в других сферах политики, государство обладает монополией на объяснение причин гендерного неравенства и разработку мер по его преодолению, содержание которых увязано с другими стратегическими задачами. Интерес к этому вопросу растет, когда требуется мобилизация женщин с целью проведения стремительных социально-экономических преобразований в стране, и ослабевает в периоды, когда, наоборот, требуется корректировка их численности на рынке труда.

Вместе с тем нельзя однозначно утверждать, что исключительно усилиями государства возможно регулировать столь масштабные социальные изменения в обществе. Конечно, приоритеты государства и проводимая им политика имеют значение, однако исследователи чаще пишут о культурном факторе, сохраняющейся традиционности современного китайского общества, препятствующей расширению политических возможностей женщин. И это остающееся влияние может как сдерживать политику партии, так и содействовать ей в продвижении женского вопроса. Культура изменяется крайне медленно, гендерные стереотипы не исчезли, социальные табу для женщин невозможно одномоментно отменить, и, как следствие, все инициативы и реализация законов, меняющих социальную роль женщин, сталкиваются с предрассудками и противодействием со стороны общества, а ставка женщин на экономическую и политическую активность приводит к усилению неравенства [Hofstede 2001].

Следовательно, существуют определенные проблемы гендерного неравенства в обществе, которые требуют решения со стороны как общества, так и государства. Считаем, что разработка соответствующих мер стратегической направленности поможет решить данные проблемы и закрепить роль женщины на основных общественно-политических должностных постах в качестве лидера и управленца.

Восходящая мобильность для женщин в китайском обществе серьезно ограничена в связи с устойчивостью гендерных стереотипов, основанных на традиционной культуре, которая несколько тысяч лет фиксирует безоговорочное доминирование мужчин. Ключевыми элементами традиционной культуры являются жесткая социальная иерархия, патриархальная семья и гармоничные социальные отношения. Каждому члену общества предписана социальная роль в соответствии с основными моральными принципами, которым необходимо следовать для поддержания мира, гармонии и порядка. Моральные обязательства каждого члена общества связаны с такими социальными институтами, как семья и государство. Старший член семьи обязан проявлять доброжелательность и заботу о подчиненном ему члене, а подчиненный член — послушание. При этом главная цель развития женщины — стать скромной и слабой, что является основой гармоничных отношений с мужем и его родственниками [Lee 1995]. Традиционная китайская женщина должна быть послушна отцу как дочь, мужу как жена и сыновьям во вдовстве, а также обладать четырьмя добродетелями (нравственность, правильная речь, скромность манер и усердие в работе). Как пишет Чанг Юнг, «добродетельная женщина должна подавлять свои эмоции и не желать ничего, кроме исполнения своего долга перед мужем. Скучать по мужу — это нормально, это добродетельно, но женщине не положено жаловаться... На самом деле хорошая женщина вообще не должна иметь точку зрения, а если и имеет, не должна была быть настолько наглой, чтобы о ней говорить» [Chang 1993, 123].

Культурные нормы играли и продолжают играть важную дискриминирующую роль, не позволяя уменьшить уровень гендерного неравенства, хотя мышление и модели поведения современных китайцев сильно изменились под влиянием значительных социально-экономических трансформаций. Динамику хорошо иллюстрирует типология, описывающая пять поколений женщин:

- 1) коммунистическое поколение (рожденные до 1940 г.), на жизнь которого выпало много скорби и тягот, для которого традиционные ценности имели наибольшее значение;
- 2) «потерянное поколение» (1940–1960 гг.), которое пережило много значительных социально-экономических изменений, в том числе «культурную революцию», разрушившую традиционную социальную систему, и экономические реформы;
- 3) «счастливое поколение» (1960–1970 гг.), в полной мере воспользовавшееся плодами экономических реформ и получившее больше возможностей для карьерного роста и индивидуальной свободы;
- 4) «трансформированное поколение» (1970–1980 гг.), которое стало свидетелем экономических преобразований и испытало влияние западных ценностей;
- 5) «поколение Е» (после 1980-х гг.), рожденные в результате политики «одна семья — один ребенок», они воспользовались плодами политической и экономической стабильности, на них больше, чем на другие поколения, оказали влияние глобализация и идеи феминизма [Li 2000].

Процесс изменения роли женщины в китайском обществе

Установки традиционной культуры продемонстрировали свою устойчивость еще в первые десятилетия интенсивного строительства новой китайской государственности. В 1949–1966 гг. в революционной логике классово-борьбы власти во главе с Мао Цзэдуном сделали ставку на мобилизацию всего населения страны для реализации коллективных целей, когда каждый должен был внести свой вклад, включая женщин. Наделение женщин равными правами с мужчинами стало частью грандиозного проекта по переходу к социалистическому строю, установлению приоритета коллектива над частными интересами.

В 1966–1976 гг. (период «культурной революции») женщин также рассматривали в качестве важной производительной рабочей силы, но с акцентом на то, что они могут выполнять те же виды работ, что и мужчины, то есть шло целенаправленное стирание гендерных различий. Женщины в тот период носили бесформенную одежду и вели себя точно так же, как мужчины. Женщины должны были полностью отдаться революции, и любая демонстрация права заниматься своими детьми подвергалась критике как признак разделения лояльности [Chang 1993].

Кардинальные изменения стали происходить в Китае с конца 1970-х гг., когда был взят политический курс на масштабные экономические преобразования. Однако на уровень гендерного равенства этот период оказал неоднозначное влияние. С одной стороны, была принята серия законов, защищающих социальный статус женщин и способствующих их эмансипации. С другой стороны, концептуально власти не исходили из идеи равенства мужчин и женщин, а рассматривали последних как более слабых и требующих особой защиты и поддержки (например, разный возраст выхода на пенсию). Помимо этого, все усилия и ресурсы государства были направлены на достижение внушительных экономических результатов, что отодвинуло на периферию внимание ко всем другим проблемам, а также предоставило большую свободу действий работодателям, которые чаще руководствовались не требованиями закона, а требованиями экономической результативности и эффективности. Работодатели были заинтересованы в сотрудниках, которые могут работать много и не будут отвлекаться на решение семейных проблем. В итоге приобретенные женщинами ранее возможности трудоустройства стали резко сокращаться.

Более того, на фоне модернизации и экономического развития акцент все больше смещается на осознание важности семьи как социального института, доминирует установка на реализацию женщинами прежде всего своих семейных обязанностей, а не стратегий по достижению профессионального роста и самовыражения. Поддержку приоритетам власти оказало общество, в котором, несмотря на годы «культурной революции», патриархальная семья сохранилась как важнейшая ценность, а массовый выход женщин на рынок труда воспринимался как угроза основам патриархальности. Гендерные предубеждения в обществе о превосходстве мужчины над женщиной усилила политика «одна семья — один ребенок» (1978–2015 гг.), ограничивающая рождаемость в целях снижения нагрузки на земельные, водные и энергетические ресурсы страны. В результате реализации этой политики увеличился уровень избыточной младенческой смертности, ухудшились показатели здоровья и выживаемости женщин, сократилась численность молодого населения. В 2015 г. политика в отношении одного ребенка была отменена, и на смену ей была введена политика в отношении двух детей [Li et al. 2019]. Пары поощрялись к рождению второго ребенка, и в результате такой политики в Китае дополнительно родилось 5,4 млн детей. В 2021 г. Коммунистическая партия провозгласила политику «одна семья — три ребенка» для борьбы с быстрым старением населения, поддержав и усилив тем самым традиционалистские установки в общественном сознании⁴.

Очевидно, что различия между женщинами времен Мао Цзэдуна и современными женщинами колоссальны. Современные женщины чувствуют себя более уверенно в жизни (прежде всего в городах), во-первых, благодаря возможности получать высшее образование (в том числе и за рубежом). Например, в 2018 г. 53% студентов бакалавриата составляли женщины [Tang, Norta 2021]. На рынок труда вышли профессионально подготовленные женщины — специалисты в различных областях, способные на равных конкурировать с мужчинами даже за управленческие позиции, в том числе в сфере политики и государственного управления. Во-вторых, женщины стали более финансово независимыми от мужчин, что значительно расширило их горизонты для реализации своих профессиональных стратегий, они стали позднее вступать в брак, но и чаще стали оставаться одиночками. В-третьих, политика «одна семья — один ребенок» повлияла на установки молодого поколения, ослабив влияние традиционных ценностей [Андрюшина, Григорьева 2024], повысив ценность дочерей, которые смогли не только получать образование, но и наследовать семейный бизнес. В то же время есть вероятность, что отмена этой политики (если она будет успешной) в будущем негативно повлияет на распределение социальных ролей, обострит конкуренцию между братьями и сестрами и в итоге снизит социальный статус женщины, ухудшит ее положение в семье [Sun, Li 2017]. Вместе с тем на молодое поколение китайских женщин продолжают оказывать сильное влияние старшие поколения, формально уже вышедшее на пенсию, но доминирующие при этом на управленческих должностях.

И все же объективно происходящие изменения не влекут за собой столь же значительных изменений в социальных отношениях. Традиционалистский тренд, общественное неприятие идей гендерного равенства ставят женщин, желающих самостоятельно определять свою личную и профессиональную судьбу, в ситуацию сложного выбора, угрожающего разрывом семейных связей [Luo, Chui 2018]. На женщин продолжает оказываться социальное давление, чтобы они выходили замуж, а не занимались исключительно построением карьеры. В 2007 г. Всекитайская федерация женщин использовала новое понятие «шенной» (shengnv) для характеристики образованных незамужних женщин старше 27 лет [Gaetano 2014].

⁴ Одна семья — три ребенка // Журнал «Китай» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kitaichina.com/rshehui/202108/t20210819_800256008.html (дата обращения: 25.05.2024).

Проблемы участия женщин в политической сфере

В непросто социальном-культурном контексте женщины добиваются профессионального успеха в бизнесе, занимая руководящие позиции в компаниях, однако в общественно-политической сфере их продвижение на лидерские позиции крайне затруднено. Коммунистическая партия признает проблему недопредставленности женщин в партийных и правительственных структурах и начала ее решение с низового управленческого уровня, призвав принимать женщин на должности в местные органы власти. В частности, были законодательно установлены квоты, призванные существенно изменить ситуацию, что и произошло, но только формально, так как женщин стали принимать на должности, но исключительно в рамках установленной квоты и без дальнейшего расширения их участия в процессах принятия решений [Zeng 2014]. Более того, до 2016 г. размер квоты не был четко определен, поэтому она трактовалась вольно (например, в состав комитета должна входить одна женщина).

В Китае основной способ рекрутирования на политические позиции и должности в сфере государственного управления — назначения. Ключевую роль в отборе кандидатов играет партия, которая отдает приоритет мужчинам, что согласуется с общественной установкой в отношении политики как мужского дела. На ведущих партийных постах женщины появлялись несколько раз, последними по времени (с 1969 г.) членами Политбюро КПК стали Лю Яньдун (2007–2017 гг.) и Сунь Чуньлань (2012–2022 гг.); они не были ни женами политиков, ни героинями труда, а заняли свои позиции, пройдя длинный карьерный путь. Показательно, что после введения в 1987 г. выборов на сельском уровне ситуация с представительством женщин не улучшилась, избиратели не оказали им значимой поддержки, что косвенно подтверждает господствующие в обществе гендерные предрассудки, характерные для избирательного процесса и в других странах [Григорьева, Жохова 2022].

Политическое лидерство в западной традиции длительное время ассоциировалось с набором выдающихся качеств, которыми обладают мужчины. В китайской культуре лидерство также сопряжено с определенным набором качеств, которыми должен обладать мужчина для выполнения управленческих функций. Женщине эти качества несвойственны: когда она, например, проявляет решительность, то ее считают агрессивной и властной, если она ориентируется на построение карьеры, то ее считают плохой женой, потому что она много времени уделяет работе. Политическая деятельность ассоциируется с мудростью, которую мужчины приобретают с возрастом, они строят карьеру в молодые годы, приобретают опыт и значимые для ведения политической деятельности навыки, а женщины в молодые годы занимаются семьей и, когда освобождаются от этой обязанности, уже не рассматриваются в качестве достойных кандидатов для занятия лидерских позиций, так как у них нет опыта и физические способности не позволяют заниматься борьбой за посты [Tsang et al. 2011].

Для построения политической карьеры важным навыком является накопление социального капитала, выстраивание неформальных сетевых контактов со значимыми агентами, заключение соглашений о сотрудничестве и поддержке в различных ситуациях принятия решений, обмен ресурсами, привлечение сторонников и расширение числа последователей. Благодаря включенности в социальные сети создаются возможности для получения должностей в системе государственного управления. Вместе с тем накопление социального капитала происходит не на рабочем месте, а вне его, на неформальных мероприятиях, банкетах, личных встречах, участие в которых для женщин оказывается крайне затруднительно по нескольким причинам: наличие семейных обязательств, невозможность посещать неформальные мероприятия с участием мужчин по морально-этическим мотивам, нежелание мужчин развивать сетевые контакты с женщинами (если в официальном формате

взаимодействие с женщиной может быть вынужденным, то в неформальной обстановке полностью проявляются гендерные стереотипы) [Zheng et al. 2017]. Как результат, женщины испытывают дефицит профессиональных контактов, помогающих им продвигаться по карьерной лестнице в высоко конкурентной политической среде, получать необходимую поддержку и рекомендации, важные советы по грамотному поведению в различных ситуациях [Tian, Bush 2020]. Безусловно, с похожими проблемами женщины сталкиваются и в коммерческом секторе, но все-таки спектр руководящих должностей значительно шире, их число несравнимо больше, а специализированные профессиональные компетенции имеют большее значение.

По имеющимся статистическим данным, в 2013 г. среди 273 губернаторов и их заместителей 33 позиции занимали женщины, в 2018 г. — 31 из 276. Среди членов постоянных комитетов КПК на уровне провинций в 2011–2012 гг. — 36 из 375, а в 2016–2017 — 34 из 375. Возраст назначения на руководящие должности в провинциях у мужчин и женщин практически одинаковый (52,2 и 52 года соответственно). При этом с высокой долей вероятности можно предположить, что этим немногим женщинам во власти пришлось преодолеть более тернистый карьерный путь, чем мужчинам [Chen 2022].

Заключение

Недопредставленность женщин в современной политике и государственном управлении в современном Китае очевидна, но не является заданной. Столь сильное влияние многовековой традиционной культуры вызвано тем фактом, что молодое поколение в социальной структуре общества уступает по численности и влиянию на принятие решений. До сих пор при назначении на руководящие посты большое значение имеет не только политическая лояльность, но и возраст (чем старше, тем мудрее), ротация происходит очень медленно, модель рекрутирования содержит большое количество фильтров, а политический класс в публичном пространстве демонстрирует приверженность традиционным социальным представлениям о доминировании мужчин в политике в силу того, что его представители относятся к тем возрастным группам, для которых они являются важнейшим элементом культуры [Wang, Dai 2013]. Значимым представляется накопительный эффект, сохранение устойчивого тренда на получение женщинами высшего образования, научных степеней, руководящих должностей в коммерческих компаниях, что со временем сделает эту ситуацию привычной для общественного сознания и, как следствие, повысит к ним доверие на политических позициях.

Список литературы:

Андрюшина Е.В., Григорьева Н.С. Актуальные подходы к исследованиям неравенства женщин и мужчин в современном обществе // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 140–144. DOI: [10.21064/WinRS.2024.1.9](https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.9)

Григорьева Н.С., Жохова А.А. Политическая риторика женщин-лидеров в избирательной кампании по выборам президента Франции 2022 г. // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 48–58. DOI: [10.21064/WinRS.2022.4.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.5)

Chang J. Wild Swans: Three Daughters of China. Glasgow: Flamingo, 1993.

Chen M. «Innocent Young Girls»: The Search for Female Provincial Leaders in China // The China Quarterly. 2022. Vol. 251. P. 751–775. DOI: [10.1017/S030574102200042X](https://doi.org/10.1017/S030574102200042X)

Gaetano A. «Leftover Women»: Postponing Marriage and Renegotiating Womanhood in Urban China // Journal of Research in Gender Studies. 2014. Vol. 4. Is. 2. P. 124–149.

Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organisations across Nations. London: Sage, 2001.

- Howell J. Women's Political Participation in China: Struggling to Hold Up Half the Sky // *Parliamentary Affairs*. 2002. Vol. 55. Is. 1. P. 43–56. DOI: [10.1093/parlij/55.1.43](https://doi.org/10.1093/parlij/55.1.43)
- Lee W. Women's Education in Traditional and Modern China // *Women's History Review*. 1995. Vol. 4. Is. 3. P. 345–367.
- Li H., Xue M., Hellerstein S., Cai Y., Gao Y., Zhang Y., Qiao J., Blustein J., Liu J. Association of China's Universal Two Child Policy with Changes in Births and Birth Related Health Factors: National, Descriptive Comparative Study // *BMJ*. 2019. Vol. 366. DOI: [10.1136/bmj.l4680](https://doi.org/10.1136/bmj.l4680)
- Li Y. Women's Movement and Change of Women's Status in China // *Journal of International Women's Studies*. 2000. Vol. 1. Is. 1. URL: <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol1/iss1/3/>
- Luo M., Chui E. Gender Division of Household Labour in China: Cohort Analysis in Life Course Patterns // *Journal of Family Issues*. 2018. Vol. 39. Is. 12. P. 3153–3176. DOI: [10.1177/0192513X18776457](https://doi.org/10.1177/0192513X18776457)
- Sun J., Li J. Women in Leadership in China: Past, Present, and Future // *Current Perspectives on Asian Women in Leadership* / ed. by Y. Chao, R. Ghosh, J. Melean. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 19–35. DOI: [10.1007/978-3-319-54996-5_2](https://doi.org/10.1007/978-3-319-54996-5_2)
- Tang L., Horta H. Women Academics in Chinese Universities: A Historical Perspective // *Higher Education*. 2021. Vol. 82. P. 865–895. DOI: [10.1007/s10734-020-00669-1](https://doi.org/10.1007/s10734-020-00669-1)
- Tian Z. Bush H. Half the Sky: Interwoven Resilience Process of Women Political Leaders in China // *Journal of Applied Communication Research*. 2020. Vol. 48. Is. 1. P. 70–90. DOI: [10.1080/00909882.2019.1704829](https://doi.org/10.1080/00909882.2019.1704829)
- Tsang A., Chan P., Zhang I. Reconciling Conflicts: the 'Accidental' Women Leaders in Contemporary China // *Affilia: Journal of Women and Social Work*. 2011. Vol. 26. Is. 3. P. 314–326. DOI: [10.1177/0886109911418441](https://doi.org/10.1177/0886109911418441)
- Wang Z., Dai W. Women's Participation in Rural China's Self-governance: Institutional, Socioeconomic, and Cultural factors in Jiangsu Country // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2013. Vol. 26. Is. 1. P. 91–118. DOI: [10.1111/j.1468-0491.2012.01605.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2012.01605.x)
- Zeng B. Women's Political Participation in China: Improved or Not? // *Journal of International Women's Studies*. 2014. Vol. 15. Is. 1. URL: <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol15/iss1/9/>
- Zheng C., Ai J., Liu S. The Elastic Ceiling: Gender and Professional Career in Chinese Courts // *Law and Social Review*. 2017. Vol. 51. Is. 1. P. 168–199.

References:

- Andryushina E.V., Grigorieva N.S. (2024) Current Approaches to the Study of Inequality Between Women and Men in Modern Society. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 1. P. 140–144. DOI: [10.21064/WinRS.2024.1.9](https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.9)
- Chang J. (1993) *Wild Swans: Three Daughters of China*. Glasgow: Flamingo.
- Chen M. (2022) «Innocent Young Girls»: The Search for Female Provincial Leaders in China. *The China Quarterly*. Vol. 251. P. 751–775. DOI: [10.1017/S030574102200042X](https://doi.org/10.1017/S030574102200042X)
- Gaetano A. (2014) «Leftover Women»: Postponing Marriage and Renegotiating Womanhood in Urban China. *Journal of Research in Gender Studies*. Vol. 4. Is. 2. P. 124–149.
- Grigorieva N.S., Zhokhora A.A. (2022) Political Rhetoric of Women Leaders in the French Presidential Election Campaign 2022. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 4. P. 48–58. DOI: [10.21064/WinRS.2022.4.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.5)
- Hofstede G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations*. London: Sage.
- Howell J. (2002) Women's Political Participation in China: Struggling to Hold up Half the Sky. *Parliamentary Affairs*. Vol. 55. Is. 1. P. 43–56. DOI: [10.1093/parlij/55.1.43](https://doi.org/10.1093/parlij/55.1.43)

- Lee W. (1995) Women's Education in Traditional and Modern China. *Women's History Review*. Vol. 4. Is. 3. P. 345–367.
- Li H., Xue M., Hellerstein S., Cai Y., Gao Y., Zhang Y., Qiao J., Blustein J. and Liu J. (2019) Association of China's Universal Two Child Policy with Changes in Births and Birth Related Health Factors: National, Descriptive Comparative Study. *BMJ*. Vol. 366. DOI: [10.1136/bmj.l4680](https://doi.org/10.1136/bmj.l4680)
- Li Y. (2000) Women's Movement and Change of Women's Status in China. *Journal of International Women's Studies*. Vol. 1. Is. 1. Available at: <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol1/iss1/3/>
- Luo M., Chui E. (2018) Gender Division of Household Labor in China: Cohort Analysis in Life Course Patterns. *Journal of Family Issues*. Vol. 39. Is. 12. P. 3153–3176. DOI: [10.1177/0192513X18776457](https://doi.org/10.1177/0192513X18776457)
- Sun J., Li J. (2017) Women in Leadership in China: Past, Present, and Future. In: Chao Y., Ghosh R., Melean J. (eds.) *Current Perspectives on Asian Women in Leadership*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 19–35. DOI: [10.1007/978-3-319-54996-5_2](https://doi.org/10.1007/978-3-319-54996-5_2)
- Tang L., Horta H. (2021) Women Academics in Chinese universities: A Historical Perspective. *Higher Education*. Vol. 82. P. 865–895. DOI: [10.1007/s10734-020-00669-1](https://doi.org/10.1007/s10734-020-00669-1)
- Tian Z., Bush H.R. (2020) Half the sky: Interwoven Resilience Processes of Women Political Leaders in China. *Journal of Applied Communication Research*. Vol. 48. Is. 1. P. 70–90. DOI: [10.1080/00909882.2019.1704829](https://doi.org/10.1080/00909882.2019.1704829)
- Tsang A., Chan P., Zhang L. (2011) Reconciling Conflicts: the 'Accidental' Women Leaders in Contemporary China. *Affilia: Journal of Women and Social Work*. Vol. 26. Is. 3. P. 314–326. DOI: [10.1177/0886109911418441](https://doi.org/10.1177/0886109911418441)
- Wang Z., Dai W. (2013) Women's Participation in Rural China's Self-Governance: Institutional, Socioeconomic, and Cultural Factors in a Jiangsu County. *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. Vol. 26. Is. 1. P. 91–118. DOI: [10.1111/j.1468-0491.2012.01605.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2012.01605.x)
- Zeng B. (2014) Women's Political Participation in China: Improved or Not? *Journal of International Women's Studies*. Vol. 15. Is. 1. Available at: <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol15/iss1/9/>
- Zheng C., Ai J., Liu S. (2017) The Elastic Ceiling: Gender and Professional Career in Chinese Courts. *Law & Society Review*. Vol. 51. Is. 1. P. 168–199.